

ISBN 5-8965 58 - 002 9

Сборник издан при поддержке РГНФ - Грант 05-02-14001 г.

Утвержден к печати Ученым Советом
Института географии РАН 29 ноября 2005 г.

В сборник вошли материалы XXII ежегодной сессии экономико-географической секции МАРС, Саратов, 4-6 июня 2005 г. Большинство статей сборника посвящено проблеме сессии – взаимодействию городских и сельских местностей в территориальной организации расселения и хозяйства разных регионов России. В целом сборник достаточно хорошо отражает современное состояние экономико-географических исследований по региональной проблематике.

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ГОРОДСКИХ И СЕЛЬСКИХ МЕСТНОСТЕЙ В РЕГИОНАЛЬНОМ РАЗВИТИИ

Под редакцией д.г.н. Ю.Г.Липеца,
Москва, ИГ РАН, 348 стр. включая карты и рисунки
Компьютерный набор и техническая редакция:
Н.М.Болятко, Т.А.Корнилова, Е.П.Олешкевич

Рецензенты: доктор географических наук С.С.Артоболевский
доктор экономических наук А.Б.Куприянов

© Институт географии РАН

ответственности за региональное развитие на федеральный центр, сужение базы партнерства федерального центра, субъектов РФ и местного самоуправления в решении проблем регионального развития, дальнейшее расширение практики применения унифицированных, наиболее простых для власти подходов к управлению российским пространством, сдерживание региональных и местных инициатив, которые сегодня лежат в основе регионального развития многих стран мира (региональные кластеры, промышленные округа, предпринимательские зоны и т.п.)

Централизация власти неизбежно означает игнорирование специфики регионов в социально-экономической политике центра. А в этом, как раз, таится основная угроза стабильности российского пространства.

Таким образом, инерция усиления социально-экономической дифференциации, приобретенная в начале рыночных реформ и в период «феодалного федерализма» (по В.Лысенко)²⁹, вызвала необходимость укрепления властной вертикали, но централизация власти, в свою очередь, может сохранить или даже усилить эту инерцию. При последующей возможной политической децентрализации накопленные противоречия могут вызвать всплеск сепаратизма.

В связи с этим, в моем представлении, необходима активизация на федеральном уровне региональной политики, имея в виду как разработку прогнозно-концептуальных документов по социально-экономической динамике российского пространства, так и перенос акцента в механизмах ее реализации с выравнивания бюджетной обеспеченности регионов на повышение глобальной конкурентоспособности региональной экономики.

При этом для отдельных частей пространства – неосвоенных, отстающих в развитии, депрессивных, проблемных – федеральным Центром должны быть выработаны специфические механизмы поддержки, стимулирующие их развитие и модернизацию в условиях глобальной конкуренции. Это могут быть инвестиционные гранты, венчурные фонды, налоговые преференции, особые зоны и другие инструменты. Разнообразие российского пространства должно соответствовать разнообразию применяемых для его развития инструментов.

Одновременно необходимо создание условий территориальным социумам для поиска путей и ресурсов решения проблем развития своих территорий. В этом смысле неизбежная в настоящее время централизация власти не должна сковывать региональные и местные инициативы и повышать риски предпринимательской деятельности.

Пилипенко И.В.

КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТЬ И ФОРМЫ ОРГАНИЗАЦИИ ПРОИЗВОДСТВА В РЕГИОНАХ РОССИИ

Необходимость повышения конкурентоспособности хозяйства России

Одной из наиболее актуальных проблем российской экономики является повышение конкурентоспособности ее отраслей в международном разделении труда и связанное с этим повышение жизненного уровня населения. О невысокой конкурентоспособности большинства отраслей российской экономики свидетельствует исключительно сырьевая направленность российского экспорта, сохраняющаяся после распада СССР. Так в 2002 г. на десять первых позиций (нефть, природный газ, бензин, алюминий, сталь, никель, древесина, уголь и др.) приходилось две трети общей стоимости экспорта России, а на три первых позиции (нефть, природный газ и бензин) – 53,8% [[http://www.intracen.org/...](http://www.intracen.org/)].

Отечественные товаропроизводители в большинстве отраслей пока не смогли полностью адаптироваться к ужесточению конкуренции как на внутреннем, так и на внешних рынках. Исключение составляют лишь несколько отраслей: нефтегазовый сектор, где компании развиваются высокими темпами в последние 10 лет, используя потенциал, созданный еще в советское время; черная металлургия, в которой предприятия действительно сумели выжить в тяжелых условиях конца 1990-х гг. и повысили свою конкурентоспособность за счет реального снижения издержек и модернизации производства; цветная металлургия, сравнительно безболезненно пережившая потерю

²⁹ Лысенко В. Увядающий федерализм, «Казанский федералист» № 2 (10), 2004.

ресурсных баз в цинковой и свинцовой промышленности при распаде СССР, компании которой рационально использовали внутренние (дешевая рабочая сила и тарифы на электроэнергию) и внешние (высокие мировые цены на металлы) конкурентные преимущества; наконец, пищевая промышленность, где проникновение иностранного капитала достаточно велико, но все же российские компании занимают в ней пока лидирующее положение [Эксперт-400..., 2005].

Более того, российская экономика характеризуется чрезвычайно большими диспропорциями в конкурентоспособности и уровне зарплат между сырьевыми отраслями, ориентированными на экспорт, и всеми остальными секторами хозяйства. Так, экспортно-ориентированный сектор обеспечивает 17% ВВП России, характеризуется наивысшей концентрацией капитала и производительностью труда в пять раз большей, чем в отраслях, ориентированных на внутренний рынок, но в нем занято только 6% экономически активного населения [Белоусов, 2005]. В итоге развитость экспортно-сырьевого сектора не может обеспечить высокого уровня жизни значительной части населения страны, что было достигнуто в некоторых малых развитых странах Западной Европы, например, в Ирландии за счет развития высокотехнологичного экспорта [Barry, Bradley, O'Malley, 1999]. Становится очевидной необходимость проведения четкой политики по повышению конкурентоспособности экономики России в мировом хозяйстве с использованием отечественного опыта, накопленного в СССР, с одной стороны, и зарубежного опыта повышения национальной конкурентоспособности, с другой стороны.

Конкурентоспособные формы организации производства в мире

Теоретическую базу для анализа проблемы конкурентоспособности стран и регионов в мировом хозяйстве составляют концепции национальной и региональной конкурентоспособности, которые были объединены нами после анализа развития теоретической мысли с конца XVIII в. в три научные школы, развивающиеся в последние 20 лет: американскую, британскую и скандинавскую [Пилипенко, 2003а; 2005а]. Несмотря на то, что исследователи из этих школ подходят к задаче повышения конкурентоспособности стран и регионов с разных точек зрения, концепции имеют три общие черты.

Во-первых, все исследователи едины во мнении, что конкурентные преимущества создаются и в основном используются на региональном уровне при поддержке центральных государственных органов власти.

Во-вторых, они подчеркивают ведущее значение экономических субъектов как главных факторов в повышении конкурентоспособности экономики, т.е. используют институциональный подход в решении проблемы. Так, представители американской школы выделяют конкурентоспособные фирмы, непрерывно внедряющие инновации в производство, как основу конкурентоспособной отрасли и экономики в целом. Они также подчеркивают важную роль научно-исследовательских институтов (НИИ), получающих новые знания, трансформирующиеся позднее в инновации, а также роль государства, которое должно выступать генератором управленческих инноваций и стимулировать развитие экономики через создание благоприятных базовых условий для деятельности компаний [Porter, 2001; 2003]. Исследователи британской школы акцентируют внимание на разных типах поведения различных по размеру компаний в развивающихся и развитых странах – транснациональных корпораций, предприятий малого и среднего бизнеса [Humphrey, Schmitz, 2000; 2002]. Скандинавские ученые подчеркивают роль научно-образовательных учреждений в развитии процесса обучения в стране и внедрении инноваций в производство, а также государственную поддержку и деятельность компаний по использованию непрерывного процесса обучения для улучшения конкурентоспособности фирм и формирования «экономики обучения» [Lundvall, 1996; Lundvall, Johnson, 1994].

В-третьих, все исследователи подчеркивают роль локальных конкурентных преимуществ, необходимых для создания конкурентоспособных форм организации производства. Американские экономисты и экономико-географы выделяют такие формы организации производства как **промышленный кластер** [Porter, 1998], **региональный/локальный кластер** [Enright, 2002], **промышленные** [Markusen, 1996] и **технологические районы** [Storper, 1992]. Британская школа рассматривает **цепочки добавления стоимости**, постоянно совершенствуемые ТНК, и локальные кластеры. Скандинавские ученые пришли к выводу о наличии **регионов обучения**, образующихся вокруг промышленных районов и региональных кластеров [Asheim, Isaksen, 1996; 2002].

Таким образом, конкурентоспособные компании создают новые конкурентоспособные формы территориальной организации производства, определяющие конкурентоспособность отдельных отраслей и хозяйства государства в целом, а также формирующие пространственную

структуру экономики страны. Новые формы организации производства играют ключевую роль в повышении национальной конкурентоспособности потому, что малые и средние предприятия (численно преобладающие над крупными фирмами и являющиеся основными работодателями в развитых странах (табл. 1), но имеющие в среднем более низкую производительность труда, чем крупные компании – ТНК (табл. 2)) находят в них оптимальные условия для сбалансированного развития и повышения своей производительности труда.

Следует отметить, что понятие «кластер» является в настоящее время наиболее популярным, но и одновременно неоднозначно определенным термином [Пилипенко, 2003b]. Конечно, если использовать «кластер» для обозначения всех процессов концентрации производства, то этот термин неизбежно потеряет всякий смысл. С нашей точки зрения, понятие «кластер» имеет две ярко выраженные составляющие – отраслевую и территориальную. Поэтому нам представляется необходимым четко определиться с терминами и под промышленным кластером понимать группу родственных взаимосвязанных отраслей агропромышленного комплекса и сферы услуг наиболее успешно специализирующихся в международном разделении труда, а под региональным (локальным) кластером – группу географически сконцентрированных компаний в определенном регионе (итандорте) из смежных отраслей, производящих схожую или взаимодополняющую продукцию и характеризующихся наличием информационного обмена между фирмами-членами кластера и их сотрудниками, за счет которого повышается конкурентоспособность кластера в мировом хозяйстве. Т.е. мы различаем кластеры по наличию географической составляющей – к внепространственным кластерам относятся промышленные и национальные кластеры, а к пространственным – региональные, трансграничные и локальные кластеры [Пилипенко, 2005a].

Далее возникает два вопроса: (1) что необходимо делать с кластерами как новыми конкурентоспособными формами организации производства – стимулировать их развитие или создавать с нуля?; (2) какие формы организации производства существуют в российских условиях?

Кластерная политика и кластерные инициативы

Предложенная нами классификация форм организации производства на основе различий в их генезисе (самостоятельно образующиеся за счет пространственного проявления рыночных сил и создаваемые искусственно с помощью реализации органами власти на практике результатов прикладных исследований) и структуре работающих в них фирм (малые, средние и крупные предприятия) может помочь ответить на первый вопрос [Пилипенко, 2004c].

Ввиду того, что различные типы пространственных кластеров (региональные, локальные и трансграничные) относятся к типу форм организации производства, образующихся самостоятельно за счет проявления рыночных сил, применение к ним политики создания «с нуля» невозможно. Создание кластера без уже сложившейся инфраструктуры и специализации местных компаний будет плохой копией ТПК в рыночных условиях с сомнительной эффективностью производства. Поэтому кластеры необходимо выделять с помощью ряда математических и социологических методов³⁰, а затем прорабатывать кластерную политику стимулирования их развития.

В настоящее время можно выделить кластерную политику двух поколений. **Кластерная политика первого поколения** представляет собой комплекс мер, осуществляемых государством по идентификации кластера, определению поля деятельности формирующих кластер фирм, созданию государственных органов поддержки кластера и осуществлению общей политики поддержания всех кластеров в стране. На первом этапе ведущую роль в исследованиях играют экономико-географы и региональные экономисты, которые с помощью средств пространственного моделирования должны выявить кластеры и определить их состав.

Кластерная политика второго поколения базируется на хорошем знании о существующих в стране кластерах. Она подразумевает индивидуальный подход к проблемам развития каждого кластера в отдельности, так как государство может выступать в качестве менеджера, заказчика, инициатора производственного процесса, брокера, сводящего производителя и потребителя внутри кластера, и быть источником финансирования для фирм, работающих в кластере. Так, М. Энрайт выделяет 4 различных типа кластерной политики, которые отличаются друг от друга по роли государства при ее проведении [Enright, 2002, p.18]:

³⁰ Э. Бергман и Э. Фезер выделяют 6 различных методик выделения кластеров, которые, конечно, были известны и до появления концепции промышленных и региональных кластеров: (1) использование экспертных оценок; (2) использование специальных индикаторов, например коэффициента локализации; (3) построение таблиц межотраслевых балансов (МОБ) для исследования торговли и инноваций; (4) использование теории графов и (5) проведение обзоров (опросов) [Bergman, Feser, 1999; Feser, Bergman, 2000]. Необходимо отметить, что методику МОБ и коэффициент локализации лучше использовать для выделения промышленных кластеров, а остальные методы должны применяться для выделения региональных кластеров.

1. *каталитическая кластерная политика*, когда правительство сводит заинтересованные стороны (например, частные компании и исследовательские организации) между собой, но обеспечивает ограниченную финансовую поддержку реализации проекта;
2. *поддерживающая кластерная политика*, при которой каталитическая функция государства дополняется его инвестициями в инфраструктуру регионов, образование, тренинг и маркетинг для стимулирования развития кластеров;
3. *директивная кластерная политика*, когда поддерживающая функция государства дополняется проведением специальных программ, нацеленных на трансформацию специализации регионов через развитие кластеров;
4. *интервенционистская кластерная политика*, при которой правительство наряду с выполнением своей директивной функции перенимает у частного сектора ответственность за принятие решения о дальнейшем развитии кластеров и посредством трансфертов, субсидий, ограничений или регулирования, а также активного контроля над фирмами в кластере, формирует его специализацию.

Таким образом, в зависимости от поставленных целей и культуры предпринимательства в стране государство может играть различную роль в проведении кластерной политики. Например, относительно малых развитых стран Западной и Северной Европы необходимо сказать, что в большинстве из них в настоящее время осуществляется кластерная политика первого поколения, так как исследования формирования кластеров еще продолжают. Государственная кластерная политика второго поколения, которую можно отнести, по Энрайту, к типу поддерживающей, проводится в Финляндии, Австрии, Швеции и Нидерландах, где в 2002 г. правительством страны была инициирована программа, ориентированная на решение индивидуальных проблем национальных кластеров.

Согласно исследованию Энрайта, в 40% из 160 региональных кластеров, развивающихся в настоящее время в мире, локальные и региональные органы власти проводят поддерживающую кластерную политику. Каталитическая политика проводится национальными, региональными и локальными органами власти по отношению к примерно 20% региональных кластеров, директивная – по отношению к 5% кластеров, а интервенционистская – для 2-3% кластеров. При этом наблюдается следующая тенденция: при движении по правительственной вертикали сверху вниз (от наднациональных как Европейский союз и национальных к региональным и местным органам власти) увеличивается доля правительств, проводящих специализированную кластерную политику – от 18 до 70% [Enright, 2000, p. 16]. Т.е. видна четкая тенденция: чем «ближе» к региональному кластеру находятся государственные органы, тем они более интенсивно проводят кластерную политику. Это доказывает необходимость активного участия региональных и местных властей в кластерной политике, так как они могут более оперативно и эффективно решать вопросы, связанные со стимулированием развития местных кластеров.

Также инициаторами проведения кластерной политики могут выступить не только центральные органы управления, которые проводят кластерную политику «сверху», но и региональные власти или местные объединения предпринимателей, предлагающие реализацию программ стимулирования развития кластеров «снизу» [Пилипенко 2004а; 2005с]. Такие программы получили название **кластерная инициатива** (cluster initiative), которая определяется как *организованная попытка увеличить темпы роста и конкурентоспособность кластера в определенном регионе, вовлекая в процесс кластерные фирмы, государство и/или исследовательские институты* [Sölvell, Lindqvist, Ketels, 2003]. Необходимо различать термин «кластерная инициатива», в рамках которой снизу иницируется программа повышения конкурентоспособности фирм и хозяйства региона, и термин «региональный кластер» или «промышленный кластер», которые могут быть выделены с помощью математических методов и в отношении которых может не проводиться никакой целенаправленной государственной политики.

Для того чтобы обобщить знания о кластерных инициативах, шведские исследователи О. Сольвелл, Г. Линдквист и К. Кетельс провели исследование, в результате которого выяснилось, что в 2003 г. в мире развивалось 509 кластерных инициатив, из них 238 – участвовали в проведенном ими опросе. По странам кластерные инициативы распределились следующим образом: Новая Зеландия – 32 кластерные инициативы; США – 28; Великобритания – 25; Япония – 20; Австралия, Австрия и Испания – по 13; Финляндия и Швеция – по 11; Германия – 10; Бельгия и Дания – 8; Венгрия, Нидерланды, Франция и трансграничные кластеры (кластеры, располагающиеся на территории нескольких государств) – по 5; Канада и Норвегия – 4; Кипр, Монголия, Турция и Эстония – по 2; Ирландия, Исландия, Латвия, Литва, Малайзия, Польша, Чили, Швейцария и ЮАР – по 1 кластерной

инициативе. Как видно наиболее активно кластерную политику проводят развитые страны и страны Центрально-Восточной Европы. При этом наиболее распространенными отраслями являются: информационные технологии, медицинское оборудование, производственные технологии, телекоммуникационное оборудование, биотехнологии, фармацевтика и автомобильная промышленность. Большая часть кластерных инициатив (72%) стартовала с 1999 г., т.е. процесс активно развивается всего 5 лет (рис. 1).

В итоге можно выделить два общих типа кластерной политики:

1. **кластерная политика «сверху-вниз»** – инициаторами являются федеральные и региональные органы власти; с помощью различных методик исследовательскими организациями выявляются промышленные и региональные кластеры в хозяйстве страны или региона; определяются институты, которые способны оказать помощь кластерам (кластерная политика первого поколения); далее осуществляется комплекс мер по стимулированию развития кластеров (кластерная политика второго поколения).
2. **кластерная политика «снизу-вверх»** – инициатива идет в основном со стороны местных органов власти и объединений местных предпринимателей; определяется круг компаний и институтов, формирующих кластер; нанимаются менеджеры для создания и дальнейшего развития кластерной инициативы.

Формы организации производства в России

Главный вопрос для России, страны обладающей большим научным потенциалом и необходимым «каркасом» из исследовательских организаций, состоит в том, каким образом можно повысить производительность труда и, следовательно, зарплаты и жизненный уровень населения, не занятого в экспортно-сырьевом секторе. Опыт развитых стран Западной Европы показывает необходимость постепенного внедрения кластерной политики повышения конкурентоспособности регионов и страны в целом, разработки стратегий инновационного развития регионов и поощрение развития кластерных инициатив [Пилипенко, 2005а]. Однако простое копирование зарубежных методик в российских условиях приведет скорее к отрицательному результату и их дискредитации, что подтверждается отечественным опытом прежних лет.

Необходимо учитывать, что современная территориальная структура хозяйства России была полностью сформирована в советский период для достижения конкретных целей в условиях плановой экономики и полной интеграции с другими республиками СССР. В отличие от развитых стран в России до сих пор преобладают крупные предприятия, на которых в 2004 г. согласно официальной статистике было занято почти 84% экономически активного населения и создавалось почти 85% ВВП страны [Динамика развития..., 2005, с.25]. Еще меньшую долю (менее 10%) в ЭАН и ВВП занимает малое предпринимательство в других странах СНГ (табл. 3).

Крупные заводы были построены в рамках централизованной системы планирования в жесткой привязке к таким факторам размещения как источники сырья, топлива и местонахождения потребителя (также зачастую промышленных заводов). В восточных регионах бывшего СССР в пространстве еще более четко проявляется взаимодействие между отраслями специализации и комплексирующими производствами, построенными в рамках теории территориально-производственных комплексов (ТПК) для оптимизации использования природных ресурсов.

Хотя собственники предприятий за последние 14 лет изменились и образовались финансово-промышленные группы, производственная кооперация и товарные цепочки между заводами ввиду целесообразности не могли кардинально поменяться, а о создании новых сетевых структур поставщиков из малых и средних предприятий для крупных заводов по западному образцу говорить пока преждевременно. Поэтому выделение промышленных (национальных) кластеров в России с помощью коэффициента локализации и методики МОБ будет повторять исследования по построению ТПК (регион – его исходные параметры – промышленная структура), только в обратной последовательности.

Различия между доминирующими формами организации производства в российской экономике и развитых странах определяют специфику проведения кластерной политики в России. В проведенном нами сопоставлении основных характеристик ТПК и пространственных кластеров, было выявлено существование глубоких различий между этими двумя формами организации производства [Пилипенко, 2004а; 2004б]. Однако при этом необходимо отметить, что кластеры и ТПК не противоречат друг другу, но существуют параллельно в различных отраслях хозяйства России.

Перспективными, по нашему мнению, являются исследования формирования новых пропульсивных отраслей хозяйства, развивающихся после перехода нашей страны к рыночной

**Таблица 1. Различные по размеру компании в обрабатывающей промышленности
малых и крупных развитых стран**

	Год	Количество различных по размеру компаний, %					Доля различных по размеру компаний в общей занятости населения, %				
		Число занятых в компании, чел.				Доля МСП*	Число занятых в компании, чел.				Доля МСП
		1-19	20-99	100-499	Более 500		1-19	20-99	100-499	Более 500	
Малые страны											
Австрия	1993	43,2	41,5	10,0	5,2	94,7	4,3	26,9	23,4	45,5	54,6
Бельгия	1993	80,4	15,3	3,7	0,6	99,4	-	-	-	-	-
Греция	1992	59,0	34,3	6,0	0,7	99,3	20,4	35,0	27,5	17,2	82,9
Дания	1993	82,0	14,6	3,1	0,3	99,7	-	-	-	-	-
Исландия	1992	90,8	6,7	2,5		100,0	35,1	26,6	38,2		99,9
Люксембург	1992	79,4	15,0	4,7	0,9	99,1	13,0	22,1	35,0	29,9	70,1
Нидерланды	1993	78,0	17,2	4,3	0,6	99,5	15,7	24,8	27,8	31,7	68,3
Норвегия	1994	40,2	47,4	7,5	4,9	95,1	9,3	34,9	18,2	37,6	62,4
Португалия	1994	85,8	11,8	2,2	0,2	99,8	23,5	32,3	27,8	16,5	83,6
Финляндия	1992	50,8	36,1	11,6	1,5	98,5	-	-	-	-	-
Швейцария	1991	84,2	12,3	3,1	0,4	99,6	20,2	26,9	31,3	21,5	78,4
Швеция	1993	44,4	40,8	12,4	2,4	97,6	6,9	23,1	35,3	34,7	65,3
Крупные страны											
США	1993	73,7	19,8	5,1	1,4	98,6	7,4	14,6	16,5	61,5	38,5
Япония	1994	74,3	21,6	3,6	0,5	99,5	22,4	30,9	25,0	21,6	78,3
Великобритания	1994	82,7	12,9	3,7	0,8	99,3	13,2	21,6	28,9	36,3	63,7
Германия	1993	71,5	19,4	4,1	5,0	95,0	19,9	22,1	10,8	47,2	52,8
Италия	1992	89,7	9,0	1,2	0,2	99,9	38,7	25,0	17,3	19,0	81,0

* МСП – малые и средние предприятия. Мы используем определение МСП, данное ОЭСР, где малыми и средними предприятиями считаются все компании с численностью занятых менее 500 чел.

Источник: [Small Businesses..., 1997, p.10]

Таблица 2. Распределение добавленной стоимости в обрабатывающей промышленности малых и крупных развитых стран

	Год	Доля различных по размеру компаний, %					
		Число занятых в компании, чел.				Доля МСП	
		1-19	20-99	100-499	Более 500		
Малые страны							
Австрия	1993		4,1	23,8	23,0	49,1	50,9
Греция	1992		12,0	29,9	35,4	22,6	77,3
Нидерланды	1993		6,9	24,8	27,9	40,4	59,6
Португалия	1994		12,6	23,9	26,4	37,1	62,9
Финляндия	1992		7,9	14,7	45,3	32,0	67,9
Крупные страны							
США	1993		4,6	10,0	13,6	71,9	28,2
Япония	1994		12,1	23,2	29,3	35,4	64,6
Великобритания	1994		9,5	16,6	28,0	45,9	54,1
Германия	1993		15,4	19,4	10,0	55,1	44,8
Италия	1992		27,2	25,7	22,2	24,9	75,1

Источник: [Small Businesses..., 1997, p.16]

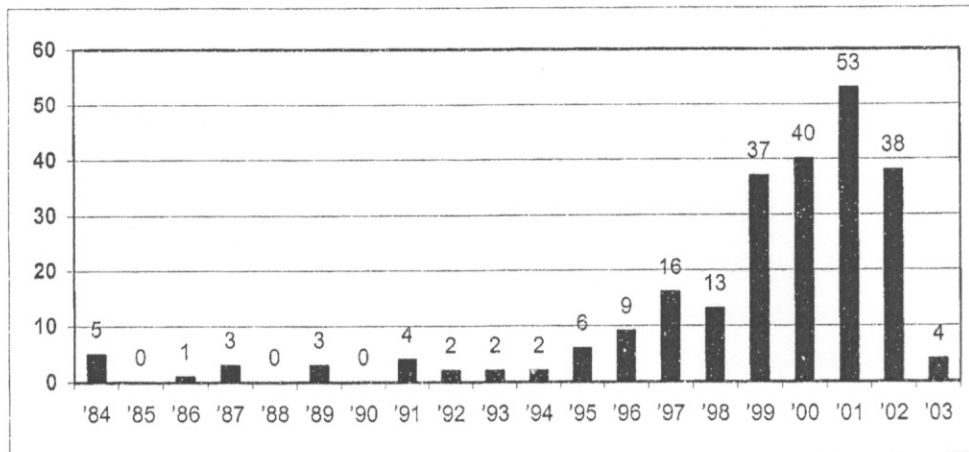

Рис. 1. Год начала кластерных инициатив в мире

Источник: [Sölvell, Lindqvist, Ketels, 2003, p.35]

Таблица 3. Доля малого предпринимательства в населении и ВВП стран СНГ, 1996-1997 гг.

№	Страна	Доля МСП в общей занятости населения, %	Доля МСП в ВВП, %
1	Азербайджан	12,9	-
2	Армения	5,2	-
3	Беларусь	5,2	9,0
4	Грузия	-	-
5	Казахстан	5,2	6,0
6	Кыргызстан	3,6	-
7	Молдова	-	-
8	Россия	10,1	10,0
9	Таджикистан	1,2	-
10	Туркменистан	2,7	-
11	Узбекистан	2,9	4,2
12	Украина	5,0	10,0

Источник: [Системы поддержки..., 2003, с. 215]

экономике в 1991 г. и имеющих в своем составе большое количество малых и средних предприятий – производство информационно-телекоммуникационного оборудования, программного обеспечения, биотехнологий, новых конструкционных материалов и т.п., а также связанной с ними сферы услуг. В создании ВВП страны и занятости населения компании этих отраслей играют пока незначительную роль. Однако они обладают необходимым потенциалом для роста и являются неотъемлемой частью будущих региональных инновационных систем, в которых формируются цепочки трансформации идей в инновации: получение знаний в вузах и НИИ – внедрение инноваций в производство в технопарках, научных парках и т.п. – производство высокотехнологичной продукции в кластерах малых и средних предприятий – взаимодействие с местными и иностранными ТНК [Пилипенко, 2005а]. Кроме того, в будущем малые и средние предприятия могут стать поставщиками для более крупных заводов, которые будут с их помощью модернизировать свою структуру. Потенциал новых пропульсивных отраслей хозяйства может быть использован при переходе России к новой технологической парадигме через инновационное развитие отдельных регионов страны, о чем свидетельствует пример Новосибирской области.

В Академгородке Новосибирска развивается в настоящее время около 150 высокотехнологичных компаний в разных пропульсивных отраслях хозяйства [Попов, 2004]. При этом более 20-ти компаний, работающих в Академгородке в отрасли информационных технологий (ИТ-отрасли), формируют в настоящее время классический локальный ИТ-кластер. В рамках кластера компании взаимодействуют как между собой, так и с научно-исследовательскими и образовательными учреждениями, так как они являются поставщиками потенциальных высококвалифицированных сотрудников для этих фирм. В 2003 г. компании являлись работодателями для более чем 2 тыс. специалистов-компьютерщиков и имели оборот более 30 млн долл. Основной специализацией этих ИТ-фирм является оффшорное программирование³¹. Это дало возможность, с одной стороны, избежать «утечки мозгов» за рубеж и, с другой стороны, одновременно резко повысить производительность труда и уровень жизни в районе. В настоящее время Новосибирск является третьим после Москвы и Санкт-Петербурга центром ИТ-отрасли в России, и сибирские компании постепенно диверсифицируют свое производство, ориентируясь также на внутренний рынок, хотя и не получают существенной поддержки от государственных структур [Пилипенко, 2005b].

Как видно на этом примере, для решения проблем по повышению конкурентоспособности России в мировом хозяйстве необходима разработка государственной стратегии конкурентоспособного развития страны и региональных инновационных систем, которая включала бы комплекс мер, осуществляемых на макро- (федеральный), мезо- (региональный) и микро- (локальный) уровнях:

- Макроуровень (федеральные власти) – определение текущей и будущей техно-экономической парадигмы развития хозяйства страны; поддержка и совершенствование системы образования и НИИ в стране; создание общих благоприятных условий функционирования малых и средних предприятий в стране и поддержка импортозамещающих технологий, разработанных отечественными компаниями; содействие развитию уже существующих и новых инновационных форм организации НИОКР и производства (технопарки, бизнес-инкубаторы, инновационно-технологические центры, центры знаний и т.п.); проведение кластерной политики «сверху-вниз» – определение новых «точек роста» в территориальной структуре хозяйства страны, развивающихся в пропульсивных отраслях экономики – региональных и локальных экспортно-ориентированных кластеров малых и средних предприятий, и стимулирование их дальнейшего развития.
- Мезоуровень (региональные власти) – определение текущих и будущих конкурентных преимуществ региона во внутристрановом и международном разделении труда; создание положительного образа (бренда) региона на внутрироссийском и международном уровне; координация кластерной политики «сверху-вниз» и «снизу-вверх»; стимулирование развития региональных и локальных кластеров, поощрение развития кластерных инициатив; формулирование стратегии инновационного развития региона; поощрение производства наукоемкой продукции и включения местных компаний в глобальные цепочки добавления стоимости; формирование региональной инновационной системы (выявление слабых сторон в ее современной структуре и стимулирование их развития); привлечение крупных российских

³¹ Производство программного обеспечения на экспорт по заказу иностранных компаний и под чужими торговыми марками.

компаний и иностранных ТНК в регион для создания новых рабочих мест и обмена технологиями/менеджментом с местными предприятиями.

- Микроуровень (местные власти) – поддержка или начало кластерных инициатив, объединяющих местные компании и исследовательские организации – проведение кластерной политики «снизу-вверх»; помощь в развитии инновационных форм организации НИОКР и производства; продвижение идей об инновационных и конкурентоспособных формах организации производства и кооперации между предприятиями через образовательные курсы, маркетинг и т.п.

В будущем можно прогнозировать развитие «дуалистичной» пространственной структуры хозяйства России – с одной стороны, будут модернизироваться штандорты крупных предприятий в традиционных отраслях промышленности, построенных в советские годы в рамках теории ТПК, а с другой – будут формироваться региональные и локальные кластеры с преимущественно малыми и средними предприятиями в новых отраслях промышленности и сферы услуг. Однако такое сбалансированное развитие хозяйства страны невозможно без проведения политики по повышению конкурентоспособности через стимулирование развития новых форм внутрискановой пространственной организации производства и кооперации между основными акторами в экономике страны. Только за счет координирования действий и объединения усилий государственных органов власти, образовательных и научных учреждений, малого и крупного бизнеса можно добиться успеха, повысить конкурентоспособность хозяйства и жизненный уровень населения России в условиях жесткой конкуренции в международном разделении труда.

Литература:

1. Белоусов А.Р. Бизнес-идея развития. // «Эксперт». №38 (484), 10 октября 2005. [<http://www.expert.ru/expert/current/data/38-belous1.shtml>].
2. Динамика развития малого предпринимательства в регионах России в 2004 году: информационно-аналитический доклад. // Рабочий центр экономических реформ при Правительстве РФ/НИСИП. – М., 2005. – 36 с. [<http://www.nisse.ru>]
3. Пилипенко И.В. (2003а) Анализ основных зарубежных теорий конкурентоспособности стран и регионов в мировом хозяйстве // Известия Академии Наук. Серия географическая. – 2003. №6. – С. 15-25.
4. Пилипенко И.В. (2004а) Кластеры и территориально-производственные комплексы: различия двух концепций // Проблемы геоэкономологии. Т. 2. / Под ред. Н.С. Мироненко. – М.: «Пресс-Соло», 2004. – С. 4-49.
5. Пилипенко И.В. (2003б) Конкурентоспособность регионов: анализ теории кластеров М. Портера и региональных кластеров М. Энрайта // Сборник материалов ежегодной сессии «Города и городские агломерации в региональном развитии» экономико-географической секции МАРС, Пушкино, 23-25 мая 2003 г. / Под ред. Ю.Г. Липеца. – М.: ИГ РАН, 2003. – С. 86-94.
6. Пилипенко И.В. (2005а) Конкурентоспособность стран и регионов в мировом хозяйстве: теория, опыт малых стран Западной и Северной Европы. – Москва-Смоленск, 2005. – 496 с.
7. Пилипенко И.В. (2004б) Принципиальные различия в концепции промышленных кластеров и территориально-производственных комплексов. // Вестник Московского Университета. Серия 5. География. – 2004, №5. – С. 3-9.
8. Пилипенко И.В. (2004с) Развитие концепций конкурентоспособности стран и регионов и эволюция пространственных форм организации производства // «Проблемы приграничных регионов России». Сборник материалов ежегодной сессии экономико-географической секции МАРС, Белгород / Харьков, 5-7 июня 2004 г. / Под ред. Ю.Г. Липеца. – М.: ИГ РАН, 2004. – С. 33-42.
9. Пилипенко И.В. (2005б) Региональная модель геоэкономической стратегии повышения конкурентоспособности России: перспективы развития региональных инновационных систем в Томской и Новосибирской областях // «Безопасность Евразии» – 2005. №2. – С. 418-429.
10. Пилипенко И.В. (2005с) Факторы и методы повышения конкурентоспособности стран и регионов: анализ теоретических подходов / Сборник научных трудов молодых ученых «Региональная наука». – М.: СОПС, 2005. – С. 8-20.
11. Попов А. «Теневая» наука просит помощи // «Континент Сибирь». – №10 (384), 19 марта 2004. [<http://com.sibpress.ru/154/154-52-64.html>]
12. Системы поддержки и развития малого бизнеса за рубежом. / Под ред. А.В. Рунова. – М.: Издательство «Уникум Пресс», 2003. – 368 с.
13. Эксперт-400: Рейтинг крупнейших предприятий России – 2005 год. // «Эксперт». №38 (484), 10 октября 2005. [<http://www.expert.ru/expert/ratings/exp200/exp2005/38-exp400ogl.shtml>].
14. Asheim B.T., Isaksen A. Location, agglomeration and innovation: Towards regional innovation systems in Norway? STEP GROUP, Report №13-96, Oslo, 1996. – 64 p.
15. Asheim B.T., Isaksen A. Regional Innovation Systems: The integration of Local “Sticky” and Global “Ubiquitous” Knowledge // Journal of Technology Transfer, vol. 27, issue 1, 2002. – pp. 77-86.
16. Barry F., Bradley J., O'Malley E. Indigenous and Foreign Industry: Characteristics and Performance // Understanding Ireland's Economic Growth / Edited by F. Barry. L.: McMillan Press, N.Y.: St. Martin's Press, 1999. – pp. 45-75.
17. Bergman E., Feser E. Industrial and Regional Clusters: Concepts and Comparative Applications. Regional Research Institute, West Virginia University, 1999. [<http://www.ri.wvu.edu>]
18. Enright M.J. Regional Clusters: What we know and what we should know. Paper prepared for the Kiel Institute International Workshop on Innovation Clusters and Interregional Competition, 2002. – 25 p.
19. Enright M.J. Survey on the Characterization of Regional Clusters: Initial Results. Working Paper, Institute of Economic Policy and Business Strategy: Competitiveness Program, University of Hong Kong, 2000. – 21 p.
20. Feser E.J., Bergman E.M. National Industry Cluster Templates: A Framework for Applied Regional Cluster Analysis // Regional Studies, Vol. 34.1, 2000. – pp.1-19.
21. Humphrey J., Schmitz H. Developing Country Firms in the World Economy: Governance and Upgrading in Global Value Chains. Institut für Entwicklung und Frieden der Gerhard-Mercator-Universität Duisburg, INEF Report, Heft 61, 2002. – 37 p.
22. Humphrey J., Schmitz H. Governance and Upgrading: Linking Industrial Cluster and Global Value Chain Research. IDS Working Paper №120, 2000. – 37 p.
23. Lundvall B.-Å. The Social Dimension of the Learning Economy. DRUID Working Paper №96-1, 1996. – 29 p.
24. Lundvall B.-Å., Johnson B. The Learning Economy // Journal of Industry Studies, Vol. 1, 1994. – pp. 23-42.
25. Markusen A. Sticky Places in Slippery Space: A Typology of Industrial Districts // Economic Geography, Vol. 72, Issue 3, July 1996. – pp. 293-313.
26. Porter M.E. Clusters and the New Economics of Competition // Harvard Business Review, November-December, 1998. – pp. 77-90.

27. Porter M.E. Innovation and Competitiveness: Findings on the Netherlands. // Lecture given on the Conference «Organizing Innovation in the Knowledge-Based Economy», The Hague, December 3, 2001. – 50 p.
28. Porter M.E. The Economic Performance of Regions: Measuring the Role of Clusters // Gothenburg: TCI Conference, 19.09.2003. – 44 p.
29. Small Businesses, Job Creation and Growth: Facts, Obstacles and Best Practices. Paris: OECD, 1997. – 54 p.
30. Sölvell Ö., Lindqvist G., Ketels Ch. The Cluster Initiative Greenbook. The Competitiveness Institute/VINNOVA, Gothenburg, 2003. – 94 p.
31. Storper M. The Limitations to Globalization: Technology Districts and International Trade // Economic Geography, Vol. 68, Issue 1, January 1992. – pp. 60-93.
32. [<http://www.intracen.org/tradstat/welcome.htm>] - сайт Международного торгового центра ООН

Клюев Н.Н.

РЕГИОНАЛЬНЫЙ ЭКОЛОГИЧЕСКИЙ СИНДРОМ³²

Для определения природно-хозяйственной (экологической) специфики территориальных единиц используются либо наиболее информативные показатели-индикаторы, либо некоторая взаимосвязанная совокупность параметров.

Важнейшим интегральным индикатором является соотношение, с одной стороны, энергопотребления (отражающего величину нагрузки на природу), а с другой - биологической продуктивности естественных ландшафтов, которая в значительной мере характеризует устойчивость природы к техногенезу. Эти соотношения отражены на рис.1. Для его составления использованы данные о биологической продуктивности Н.И.Базилович и её последователей [4, с.94]. Поскольку Росстат не располагает информацией об энергопотреблении по регионам, вместо них использовались данные о потреблении электроэнергии.

По удельному (на единицу территории) электропотреблению в Центре ярко выделяется столичный регион, а на Северо-Западе – Ленинградский. Удельное потребление электроэнергии в большинстве сибирских регионов невелико (исключение составляет Кемеровская обл.), но по абсолютным величинам оно значительно в Тюменской обл., Красноярском крае, Иркутской и Свердловской обл. В результате эти преимущественно лесные регионы можно сказать «расходуют» создаваемую здесь немалую долю биологической продукции страны. Чистыми «нетто-производителями» биологической продукции выступают лишь Дальний Восток и южно-сибирские территории. Составленная для выявления природно-хозяйственной дифференциации страны, эта картосхема имеет и сопутствующее прикладное значение. Она может быть полезна для определения ответственности регионов за использование и деградацию природной среды.

При всей важности соотношения энергопотребления и продуктивности ландшафтов в качестве индикатора экологической обстановки этот показатель, естественно, не отражает реального многообразия региональных проблем. Для характеристики регионального экологического синдрома (т.е. комплекса признаков, характеризующих специфическую экологическую патологию) выбраны следующие показатели:

- 1) добыча ископаемого сырья на единицу территории;
- 2) водопотребление на единицу речного стока;
- 3) количество опасных объектов на единицу территории;
- 4) сброс загрязненных сточных вод на единицу речного стока;
- 5) выбросы вредных веществ в атмосферу на единицу застроенной территории;
- 6) токсичные твердые отходы (за исключением утилизируемых) на единицу территории.

Эти показатели были нормированы по отношению к среднему значению, полученные данные просуммированы – рис.2. Расчёты произведены по данным: [1;2;3;5]. Эту картосхему наряду с рис 1. следует рассматривать как отражение остроты экологических проблем по регионам России. Они характеризуют её гораздо точнее, чем, например, картограммы промышленной продукции, оцененной в рублях, на единицу территории. Хотя корреляция показателей плотности промышленности и интегральных экологических характеристик оказалась достаточно высокой ($r=+0,68$), и в том, и в другом случаях к числу самых неблагополучных относятся такие регионы, как столичные области, а также Липецкая, Челябинская, Тульская.

³² Исследование выполнено при поддержке РФФИ (проект №05-06-80298).